

И.Е. Печёнкин

кандидат искусствоведения,

доцент кафедры Истории русского искусства

факультета истории искусства РГГУ

pech_archistory@mail.ru

ГЁТЕ – ПАЛЛАДИО – ЖОЛТОВСКИЙ. ГИПОТЕЗА О НЕМЕЦКИХ КОРНЯХ РУССКОГО ПАЛЛАДИАНСТВА XX ВЕКА

Имя академика архитектуры, признанного патриарха профессии Ивана Жолтовского, моментально ассоциируется с Италией. Это неудивительно, ведь подавляющее большинство его построек, включая знаковые работы дореволюционных лет, принесшие мастеру первую известность, выполнены в формах итальянского Ренессанса и находятся в русле палладианской традиции. В статье обозначены проблемные контуры будущего исследования этой темы. Погружаясь в фактологию биографии Жолтовского, можно обнаружить указания на более широкий интернациональный контекст формирования его как архитектора, а природа его профессиональных установок обретает большую сложность и тяготеет не столько к итальянской культурной почве, сколько к немецкой.

Ключевые слова: архитектура, персоналии, Жолтовский, палладианство, межкультурная коммуникация, Гёте, Италия

Usually we tend to associate the name of the famous architect and the protagonist of Russian neoclassicism Ivan Zholtovsky with Italy. Since 1910s all of reviewers Zholtovsky's creativity were focused on the importance of the "Italian" factor. But is actually everything so simple in the genealogy of the Russian palladianism of the 20th century? There is no any whole hypothesis in offered paper, rather the problematic contours of a future study of this topic will be indicated. Studying Zholtovsky's early biography, one can find some features of the more wide international context of his education as an architect, and the origins of his professional attitudes acquires greater complexity and looks more Germanian than Italian.

Keywords: architecture, personalities, Zholtowski, Palladianism, intercultural communication, Goethe, Italy

Образ Ивана Владиславовича Жолтовского стойко ассоциируется с темой рецепции и осмысления традиций архитектуры итальянского Ренессанса. Очевидно, что культурные сокровища Италии были хорошо ему известны, а его эрудиция и уверенное владение формальными приёмами итальянской (преимущественно палладианской) архитектуры свидетельствуют о том, что Жолтовский неоднократно бывал на Апеннинском полуострове. В монографических трудах и статьях, посвящённых творчеству Жолтовского, сведения биографического характера вообще достаточно скудны, а информация о зарубежных поездках мастера обычно даётся вскользь. Невьясненным остаётся даже общее количество этих поездок (М. И. Астафьева-Длугач и Ю. П. Волчок пишут в общей сложности о двадцати шести, но источник этих сведений не называют [Астафьева-Длугач, Волчок, 1988, с. 48-60]). Предпринятая недавно попытка реконструировать дореволюционный период биографии Жолтовского [Печёнкин, Шурыгина, 2017] не исчерпала всех пробелов в структуре нашего знания об отношениях этого мастера с Италией и итальянскими памятниками, но в ходе работы над этой небольшой книжкой родились некоторые соображения, которыми хотелось бы поделиться с заинтересованной аудиторией.

Репутация И. В. Жолтовского как «ортодоксального» академика и палладианца в значительной степени сформирована его постройками, действительно весьма оригинальными для рубежа

I. Pechenkin *Goethe – Palladio – Zholtowski. A Hypothesis on the German Sources of Russian Palladianism of XX century*

1900-1910-х годов своей однозначной ориентированностью на конкретные итальянские прототипы. В интерпретации историков архитектуры эта авторская самобытность приобрела поистине фантазмагорические масштабы и смыслы. Например, С. О. Хан-Магомедов в своей монографии о Жолтовском приписал ему «роль некоего контролёра художественного уровня русской архитектуры», причём памятники Ренессанса были якобы выбраны мастером в качестве критерия этого уровня [Хан-Магомедов, 2010, с. 43, 53]. В поддержку такого нарратива действует и тот факт, что первое в России полное издание одного из главных в мировой истории архитектурных трактатов – «Четырёх книг об архитектуре» Палладио – вышло в 1936 году, как указано внутри самого тома, под редакцией А. Г. Габричевского и в переводе И. В. Жолтовского. Вопрос о том, как в действительности осуществлялось это соавторство, никогда специально не исследовался. Упоминание этого переводческого опыта архитектора является настолько привычным и обязательным для исследователей, что, кажется, никто из них не задавался вопросом о том, насколько он сочетается с фактами биографии Жолтовского.

Очевидно, что для перевода трактата, созданного в XVI веке, необходимо было обладать недожинной языковой подготовкой. Подобная переводческая работа могла быть скорее прерогативой кабинетного учёного, нежели практикующего архитектора. По крайней мере, А. Г. Габричевский, выпускник классической гимназии и университета, должен был стать незаменимым сотрудником Жолтовского. Ведь, опять же, открытым является вопрос о том, в какой степени сам Жолтовский владел итальянским языком?

Как следует из документов личного дела, отложившегося в фонде Императорской Академии художеств в РГИА, среднее образование Ян (Иван) Жолтовский получал сначала в Пинском, а затем в Астраханском реальных училищах [Печёнкин, Шурыгина, 2017, с. 18-19]. Учёба в подобных заведениях считалась подготовительной ступенью к инженерно-технической карьере, тогда как поступлению в университет обычно предшествовала классическая гимназия с углублённым изучением гуманитарных дисциплин, включая языки. Поэтому вполне закономерно, что молодой Жолтовский, окончив реальное училище, поступил в Рижский политехникум. Правда, проучился он там всего лишь год, после чего подал документы в Императорскую Академию художеств. Среди них находится выданный Пинским училищем аттестат с оценками успеваемости, из которого следует, что юный Ян Жолтовский из иностранных языков изучал только немецкий.

В том, что Иван Владиславович хорошо владел немецким языком, убеждают свидетельства современников, общавшихся с ним. По информации Ю. Д. Старостенко, в период работы над проектом реконструкции Москвы, уже в советские годы, Жолтовский настоятельно ссылался в своих выступлениях по вопросам городского планирования на германоязычную литературу. О симпатиях Жолтовского к немецкой культуре говорит и то обстоятельство, что среди его настольных книг непременно был томик Гёте. Принимая во внимание взгляды немецкого классика на архитектуру и искусство в целом, а также его особое отношение к Италии, можно усмотреть в связке Жолтовского и Гёте некоторую закономерность. В связи с этим идея, что итальянская архитектура была «открыта» Жолтовским первоначально в её германском восприятии, кажется заслуживающей внимания.

Стоит подчеркнуть, что Жолтовский-неоклассик (или даже Жолтовский-палладианец) возник не сразу. Появлению этого устойчивого амплу предшествовали десятилетия профессиональной деятельности, которые С.О. Хан-Магомедов несколько высокопарно назвал временем, когда Жолтовский уделял главное внимание «формированию своей личностной концепции» [Хан-Магомедов, 2010, с. 38]. Сдаётся, что в действительности архитектор был озабочен не только «поиском себя», но и поиском работы, а значит, в творческом отношении был сильно зависим от требований заказчиков и старших коллег, под началом которых он, так и не получивший диплома Академии (и, соответственно, не имевший разрешения на производство самостоятельных построек), был вынужден трудиться. Учёба в Академии, занявшая у Жолтовского долгие десять лет, тоже не предвещала его будущей творческой программы. Он учится и работает помощником у архитекторов

И.Е. Печёнкин *Гёте – Палладио – Жолтовский. Гипотеза о немецких корнях русского палладианства XX века*

Р.Р. Марфельда и графа Н.И. Рошефора, чьи проекты вполне укладываются в эстетические рамки поздней эклектики. Перепоступив в Академию после реформы 1893 года, когда подготовка архитекторов была переведена в формат мастерских, возглавляемых профессорами-руководителями, Жолтовский оказался в классе А.О. Томишко, чьё понимание архитектурной профессии, в отличие от его прославленного коллеги Л. Н. Бенуа, воспитавшего целую плеяду неоклассиков начала XX века, было предельно практическим и деловым – без художественных изысков. Об отсутствии чётких стилевых предпочтений у Жолтовского конца 1890 – начала 1900-х годов становится ясно также из его проектов, созданных для различных конкурсов. Об эстетической неопределённости работ раннего Жолтовского между прочим писал Г. К. Лукомский, когда уже в середине 1910-х годов ретроспективно описывал путь «русского палладианца» [Лукомский, 1913, с. 21].

Поворотным эпизодом в творчестве Жолтовского (как и в его биографии в целом) стало проектирование и строительство павильона Скакового общества в Москве (1903-1906). Этот эпизод, с одной стороны, хорошо известен, с другой же, интригующе непонятен. Одержав победу в конкурсе с проектом, выполненным в формах викторианской неоготики, Жолтовский (как считается, мастерски переубедив заказчиков) возводит особняк, выдержанный в стиле русского классицизма с толикой «настоящих» италянизмов. Последнее особенно касается внутренней отделки, созданной по образцам подлинных ренессансных интерьеров Италии, куда Жолтовский специально ездил во время строительства вместе с живописцем И. И. Нивинским; это, по-видимому, были одни из ранних итальянских поездок мастера.

Думается, что вопрос о причинах столь резкой и кардинальной метаморфозы проекта и самого архитектора стоит считать открытым. Во всяком случае, *curriculum vitae* Жолтовского никак не объясняет, откуда берётся у него эта одержимость Высоким Ренессансом и Палладио, совсем не типичная для эклектика XIX века. Стояли ли за этим субъективные результаты творческих исканий или то был коммерческий эксперимент, в ходе которого московской публике был предложен незнакомый ей экзотический продукт, важно, что отныне Жолтовский был категоричен в своём следовании определённой эстетической программе, а его творения обрели узнаваемый авторский почерк, подчас принимавший форму эпатажа (знаменитый казус особняка Тарасова в Москве). Где же можно найти истоки или прецедент такого палладианского максимализма?

На мой взгляд, в анналах отечественной культуры их искать довольно бессмысленно: речь идёт о времени, когда ещё не был выявлен феномен русского палладианства рубежа XVIII-XIX веков, не был описан творческий опыт таких мастеров, как Н. А. Львов, Дж. Кваренги, Ч. Камерон. В частности, хрестоматийная статья И. Фомина в «Мире искусства», полагаемая манифестом обращения русской просвещённой публики (и в том числе зодчих) к наследию отечественного классицизма, выйдет спустя 1-1,5 года после появления проекта Жолтовского. Существуют, кроме того, сомнения в том, что Жолтовскому и его буржуазным клиентам были близки и понятны присущие екатерининскому или александровскому классицизму дворянско-имперские коннотации. В то же время, обращение к итальянскому Ренессансу напрямую из России ранних 1900-х также выглядит противоестественным. Достаточно вспомнить констатацию П. П. Муратова, назвавшего 1880-е годы временем «наибольшего <...> отчуждения от Италии» [Муратов, 2005. Т. 1, с. 13; Печёнкин, 2014, с. 63-72]. В отечественной архитектуре поздней эклектики цитаты «из Палладио» встречаются (например, в спроектированном А. Н. Померанцевым особняке Н. В. Спиридонова на Фурштатской улице в Петербурге), но фигурируют наравне с прочими историческими заимствованиями и свободно сочетаются с ними. Исходя из этих обстоятельств, рискну предположить, что Жолтовский, как германофон, мог опираться в данном случае не на русскую, а на немецкую интеллектуальную традицию, в которой образ Италии, насыщенной совершенными творениями художества, обладал особенным значением. Ключевой фигурой здесь, несомненно, является Гёте, переживший бурное увлечение готикой, но заметивший как-то на склоне лет в разговоре с И. П. Эккерманом: «Классическим называю я здоровое, а романтическим – большое» [Буслаев, 1886, с. 326].

I. Pechenkin *Goethe – Palladio – Zholtowski. A Hypothesis on the German Sources of Russian Palladianism of XX century*

Постройки Палладио в Виченце и её окрестностях служат ни с чем не сравнимым образцом итальянской архитектуры и для Жолтовского, и для Гёте, написавшего: «Палладио – это человек огромной внутренней силы, сумевший обратить ее вовне. <...> Право, есть нечто божественное в его строениях, они – как чудодейственная сила великого поэта, который из правды и вымысла создает нечто третье, завораживающее нас своим заимствованным бытием» [Гёте, 2013, с. 55]. Архитектура Палладио, представая в глазах Гёте воплощением не только художественной, но и моральной высоты, вдохновляет немецкого поэта и мыслителя на произвольные философские обобщения. Гёте не интересуют исторические реалии венецианского XVI века: он размышляет о противостоянии художника и толпы, о неизбежном стремлении гения преобразить этот мир и о роковой невозможности достигнуть успеха в этом. «Палладио, до мозга костей проникнутый жизнью древних, – фантазирует Гёте на страницах своего “Итальянского путешествия”, – ощущал мелкость и узость своего времени». Эти слова удивительно совпадают с «канонической» характеристикой Жолтовского в отечественной историографии. Реноме Жолтовского словно бы иллюстрирует гётевский миф о Палладио.

В конце концов, замечание А. Г. Габричевского о том, что вокруг имени Жолтовского «создаются легенды» [Печёнкин, Шурыгина, 2017, с. 7], можно понимать и как свидетельство того, что мифический образ во многом создавался самим архитектором. Если рассматривать ситуацию в таком ракурсе, то палладианская апология Гёте может выступить в качестве идеальной основы для конструирования Жолтовским собственной профессиональной идентичности, имевшей не только чисто художественный, но и коммерческий аспект. В сборнике «Архитектурная Москва», изданном первым и единственным выпуском в 1911 году и составленном из компактных очерков о московских зодчих, Жолтовский без обиняков охарактеризован как «архитектор миллионеров» [Архитектурная Москва, 1911, С. 8]. Справедливо ли в таком случае видеть в нём искателя чистой красоты, якобы затворившегося в «башне из слоновой кости» во имя постижения высоких архитектурных истин? Думается, что гораздо более обоснованно считать Жолтовского архитектором, решившимся противопоставить конъюнктуре московского архитектурного рынка инновацию обращения к доселе неизвестному (или малоизвестному) кругу прототипов. Этот опыт оказался успешным и позволил Жолтовскому утвердиться в почётном амплу знатока и практика по-настоящему престижной архитектуры (эксклюзивной, в переложении на сегодняшний язык).

ЛИТЕРАТУРА

1. Архитектор Иван Владиславович Жолтовский (1867-1959). Архитектурная мастерская-школа И. В. Жолтовского (1945-1959). Каталог путеводитель по фондам Государственного научно-исследовательского музея архитектуры имени А. В. Щусева. – Москва, 1985.
2. Архитектурная Москва. Ежегодник. Вып. 1. – Москва, 1911.
3. Астафьева-Длугач М.И., Волчок Ю.П. Жолтовский // Зодчие Москвы. Кн. 2. – Москва, 1988. – С. 48-60.
4. Буслав Ф.И. Мои досуги: в 2 частях. Часть 1. – Москва, 1886. – С. 291-407.
5. Власов А. Зодчий-учёный-педагог. К восьмидесятипятилетию академика архитектуры И. В. Жолтовского // Советская архитектура. 1953. №. 4. – С. 46-69.
6. Гёте И.-В. Итальянское путешествие / Пер. с нем. Н. А. Холодковского. – Москва, 2013.
7. Зальцман А. Творчество И. В. Жолтовского // Архитектура СССР. 1940. № 5. – С. 35-50.
8. Лисовский В.Г. Леонтий Бенуа и петербургская школа художников-архитекторов. – Санкт-Петербург, 2006.
9. Лукомский Г. Новый Петербург (мысли о современном строительстве) // Аполлон. 1913. № 2. – С. 5-38.
10. Муратов П.П. Образы Италии: в 2 т. – Москва, 2005.
11. Печёнкин И.Е. «В Италии же архитектура есть поэзия...» Об итальянских впечатлениях в жизни и творчестве русских архитекторов XIX века // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА / Ред. Н. К. Соловьёв. 3/2014. – С. 63-72.
12. Печёнкин И.Е., Шурыгина О.С. Архитектор Иван Жолтовский. Эпизоды из ненаписанной биографии. – Москва, 2017.

И.Е. Печёнкин *Гёте – Палладио – Жолтовский. Гипотеза о немецких корнях русского палладианства XX века*

13. Успенский В.М. Иван Жолтовский. Дон Кихот советского палладианства // Палладио в России: от барокко до модернизма. – Москва, 2015. – С. 379-385.
14. Фирсова А.В. Творческое наследие И. В. Жолтовского в отечественной архитектуре XX века. Дисс. на соиск. уч. ст. канд. искусствоведения. – Москва, 2004.
15. Хан-Магомедов С.О. Иван Жолтовский. – Москва, 2010.
16. Хмельницкий Д.С. Иван Жолтовский. Архитектор советского палладианства / при уч. А.В. Фирсовой. – Берлин, 2015.
17. Яралов Ю. Рисунок мастера // Советская архитектура. 1953. № 4. – С. 70-76.

REFERENCES

1. *Arhitektor Ivan Vladislavovich Zholtowski (1867-1959). Arhitekturnaya masterskaya-shkola I. V. Zholtovskogo (1945-1959). Katalog putevoditel' po fondam Gosudarstvennogo nauchno-issledovatel'skogo muzeya arhitektury imeni A. V. Shchuseva* [Zholtowski and his art school: a catalogue of the Shchusev museum]. Moscow, 1985.
2. *Arhitekturnaya Moskva* [Moscow Architecture]. An annual edition. Issue 1. Moscow, 1911.
3. Astaf'eva-Dlugach M.I., Volchok Yu.P. "Zholtowski" in *Zodchie Moskvuy* [Moscow architects]. Vol. 2. Moscow, 1988. P.48-60.
4. Buslaev F.I. *Moi dosugi* [My studies in free time] Part 1. Moscow, 1886. P. 291-407.
5. Vlasov A. "Zodchij-uchyonij-pedagog. K vos'midesyatipyatiletyu akademika arhitektury I. V. Zholtovskogo" [Architect, scientist and teacher. 80 years of Zholtowski] in *Sovetskaya arhitektura* [Soviet architecture]. 1953. №. 4. P.46-69.
6. Goethe I.W von. *Ital'yanskoe puteshestvie* [Italienische Reise = Italian voyage]. Moscow, 2013.
7. Zal'cman A. "Tvorchestvo I. V. Zholtovskogo" [Creative art by Zholtowski] in *Arhitektura SSSR* [USSR Architecture]. 1940. № 5. P.35-50.
8. Lisovskij V.G. *Leontij Benua i peterburgskaya shkola hudozhnikov-architektorov* [L. Benois et Peterburg school of artists-architects]. Saint-Petersburg, 2006.
9. Lukomski G. "Novyj Peterburg (mysli o sovremennom stroitel'stve)" [New Petersburg: remarks of contemporary buildings] in *Apollo* [Apollo, Saint-Petersburg]. 1913. № 2. P.5-38.
10. Muratov P.P. *Obrazy Italii* [Images of Italy] Vol. 1. Moscow, 2005.
11. Pechenkin I.E. "V Italii zhe arhitektura est' poehziya..." Ob ital'yanskikh vpechatleniyah v zhizni i tvorchestve russkikh arhitektorov XIX veka [In Italy the architecture is poetry; on Italian impressions in art of Russian architects of 19 c.] in *Dekorativnoe iskusstvo i predmetno-prostranstvennaya sreda. Vestnik MGHP* [MGHP Bulletin], ed. N. K. Solov'ov. 2014, 3, P.63-72.
12. Pechenkin I.E., Shurygina O.S. *Arhitektor Ivan Zholtowski. Epizody iz nenapisannoj biografii* [Architect Ivan Zholtowski; episodes from unwritten biography]. Moscow, 2017.
13. Uspenskij V.M. Ivan Zholtowski. Don Kihot sovetskogo palladianstva [Ivan Zholtowski, Don Quixote of Soviet Palladianism] in *Palladio v Rossii: ot barokko do modernisma* [Palladio in Russia from Baroc to Modernist art]. Moscow, 2015. P.379-385.
14. Firsova A.V. *Tvorcheskoe nasledie I. V. Zholtovskogo v otechestvennoj arhitekture XX veka* [Artistic heritage of Zholtowski in Russian architecture of the 20 c.]. PhD Thesis. Moscow, 2004.
15. Han-Magomedov S.O. *Ivan Zholtowski*. Moscow, 2010.
16. Chmel'nicki D.S. *Ivan Zholtowski. Arhitektor sovetskogo palladianstva* [Ivan Zholtowski; architect of Soviet Palladianism] coauthor A. V. Firsova. Berlin, 2015.
17. Yaralov Yu. "Risunok мастера" [Master's sketch] in *Sovetskaya arhitektura* [Soviet architecture]. 1953. № 4. P.70-76.